
ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

УДК 316.32

ББК 60.52

DOI 10.22394/1682-2358-2019-3-91-99

A.V. Posadsky, Doctor of Sciences (History), Professor of the History of the State, Law and International Relations Department, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

REVOLUTION AND SELF- ORGANIZATION: DISCOURSE FORMATION

The revolutionary process is considered in the logic of not only political, but above all ethnic history. Methods of understanding the revolutionary process are evaluated. Explanations for the formation of the doctrinal approaches to the revolutionary transformation of life are proposed. It is shown how the traditional society is able to resist revolutionary influences.

Key words and word-combinations: revolution, Russia, traditional society, ethnogenesis theory, social self-organization.

А.В. Посадский, доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства, права и международных отношений Поволжского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (email: Posadav68@mail.ru)

РЕВОЛЮЦИЯ И САМООРГАНИЗАЦИЯ: К ФОРМИРОВАНИЮ ДИСКУРСА*

Аннотация. Революционный процесс рассматривается в логике не только политической, но прежде всего этнической истории. Оцениваются методы понимания революционного процесса. Предложены объяснения формированию доктринальных подходов к революционному преобразованию жизни. Показано, каким образом традиционный социум способен противостоять революционным воздействиям.

Ключевые слова и словосочетания: революция, Россия, традиционное общество, теория этногенеза, социальная самоорганизация.

Могущество верхних слоев, чрезвычайно широкие возможности пропагандистско-маркетинговых воздействий через

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-00-00814 (18-00-00813) «Патриархальный мир и факторы жизнестойкости населения в период «долгой войны» 1914–1922 годов».

СМИ, прогрессирующая оторванность политического класса от основной массы граждан являются очевидными приметами времени в современном мире. Данное обстоятельство создает большую восприимчивость к конспирологическим или, напротив, трафаретным, «школьным» объяснительным схемам при анализе исторических потрясений. Имеем в виду прежде всего исследование и осмысление революционного процесса. Это, в свою очередь, ставит задачу поиска новых путей объяснения причин и природы массовой активности в обстоятельствах революционного кризиса.

Значительный ресурс для понимания характера революций дает прочно вошедший в исследовательский дискурс демографический подход. Роль демографического «перегрева», значимость изменений в составе семьи для высвобождения социальной энергии можно считать общепризнанными. Сравнительно новым и весьма перспективным оказывается и ресурс социоестественной истории, позволяющей понимать источники активности тех или иных поколений и групп населения. В этом отношении выделяются исследования В.А. Дьячкова, построенные на анализе баз данных с тысячами фигурантов.

Открываются и иные объяснительные схемы. К. Болтон предлагает концепцию «левых психопатов» [1], он прямо объявляет устойчиво воспроизводящейся в истории ситуацию управления большими массами людей со стороны психопатических личностей: «Это люди, которые воспринимают цивилизацию как бремя; как социальную и культурную тюрьму. Их страсть к разрушению рационализована идеологией и осуществлена возбуждением толп; их жажда крови рационализована лозунгами о правосудии и свободе. Они предписывают в массовом масштабе то же, что серийные убийцы... предписывают в ограниченной мере, по подобным же причинам, но за фасадом идеологии. Потому их в общем история называет «революционными лидерами», а не «психотическими убийцами»». То есть «левая» идеология оказывается вторична по отношению к «левому» психическому складу. Во внеучном пространстве революционность сближают с одержимостью [2], что типологически близко к построениям К. Болтона. «Правее меня только стенка», — сказал в 1916 г. В.М. Пуришкевич в Государственной думе, оживляя, видимо, более раннюю метафору из английской парламентской жизни. Бывший же анархист русской революции сказал по-иному: «Я был во всех левых партиях и организациях. Левее может быть только сумасшедший дом» [2, с. 48]. Приведенные примеры выразительно рисуют разную логику понимания крайности и вполне соответствуют логике К. Болтона в случае с природой левого.

На протяжении многих сотен лет в жизни присутствует антитеза: правильное общество, построенное в соответствии с идеей и в результате обеспечивающее то, что заложено в проекте — всеобщее или национальное счастье, справедливость или эффективность, каким-либо образом понимаемые, — или же свободная жизнь, растущая естественно, с минимальным принуждением и участием надличностных конструкций. В пределе второй вариант представляет собой те или иные вариации анархизма. При многочисленных неудачах как усилий политического конструктивизма, так и анархистских попыток создания устойчивой безгосударственной жизни и та, и другая идея отнюдь не умирает.

Согласно глубокому наблюдению А.Ф. Лосева, Платон в конце жизни испытал тяжелую интеллектуальную драму, выступив в последних диалогах реставратором безнадежно ушедших жизненных идеалов греческого полиса. «Это была трагедия всякого идеализма вообще, плохо понимающего невозможность преобразования жизни при помощи одних только идей. Платон не понимал, что материя (а значит, и социальная жизнь) определяет собой любую идеальную конструкцию... идеалист превращается в утописта, в мечтателя, в бессильного, хотя, может быть, и очень яркого фантазера. Это было для Платона не меньшей трагедией, чем все его сицилийские неудачи; подобного рода трагедию нужно признать явлением типическим» [3, с. 33–34]. Действительно, всякого рода утопизм при попытках воплощения на практике вынужден подкреплять себя насилием. Православный исследователь В.М. Острецов в свое время выразился вполне определенно, написав о «ереси утопизма» [4, с. 159].

Помимо экстремального доктринерства революционного типа, можно говорить и о более широкой проблеме несоответствия рационального понимания жизни и понимания народного. Выразительный пример приводит Ю. Мацкевич, польский политический писатель. На востоке межвоенной Польши вполне согласно жили католические и православные деревни, ездили друг к другу на праздники и ярмарки. Ю. Мацкевич удивился, что описание этого мирного сожительства не приняли в его тогдашней газете: «Сегодня я знаю, что даже в самой идиллической белорусской или литовской литературе не понравилось бы изображение сосуществования разных людей этого края без показа национальной борьбы. Точно так же, как недопустимо оно было в коммунистической литературе без показа классовой борьбы» [5, с. 175].

Идею принципиальной идеократичности, а потому тоталитарности, и национализма, и «интернационализма» (в противоположность космополитизму) отстаивал историк Русского зарубежья Н.И. Ульянов: «Национальное чувство слагалось веками, росло как дерево, без всякого шума. Национальное сознание, напротив, всегда сопровождалось манифестациями, декларациями, митингами, восторженной экзальтацией, пропагандой. Оно как две капли воды похоже на деятельность политической партии. Оно и в самом деле — партийно, программно, демагогично» [6]. В общем виде сюжет с нациетворением и нациестроительством разобран в глубокой работе В.П. Бицилли [7].

Таким образом, актуальным оказывается вопрос о природе воспроизводящегося доктринерства в области социальной и политической жизни и способах противостояния ему. Думается, что начавший формироваться тематический перекресток этнической и политической истории имеет в этом отношении хорошие перспективы. Прежде всего речь следует вести о теории этногенеза Л.Н. Гумилева как масштабной исследовательской попытке. Концепция Л.Н. Гумилева включает описание явления под наименованием «антисистема». Речь идет о группах людей с негативным мироощущением. Отметим, что само название явления трудно признать удачным. Любая «антисистема» как некая совокупность людей и связей между ними — прежде всего является системой. Однако оно активно используется, и мы продолжим пользоваться этим названием, которое предложил автор теории этногенеза.

На поле культурологии понятие «антисистема» продуктивно разрабатывал яркий мыслитель В.Л. Махнач, работы которого ныне аккумулируются учениками в электронном архиве [8]. По его мнению, с XVIII в. появляются неклассические, нововременские антисистемы, с ненавистью, направленной не на мироздание в целом, как в еретических конструкциях средних веков, а на собственную культуру. В исследовании И.Р. Шафаревича «Социализм как явление мировой истории» все те группирования, которые у Л.Н. Гумилева именуется «антисистемами», оказываются принадлежащими к социалистическим воззрениям и практикам. Мыслитель приходит к идее, что любая вариация социализма наносит удар по собственности, семье и вере. Рассуждая о соображениях И.Р. Шафаревича и признавая спорность ряда приводимых им примеров, В.Л. Махнач солидаризируется с автором в главном: «...эти системы подпадают под определение антисистемы, данное Гумилевым... Во всяком случае, чрезвычайно важно, что трактат Шафаревича рассматривает историко-культурные явления, аналогичные соответствующим главам и статьям Гумилева, часто просто одни и те же. И.Р. Шафаревич даже утверждал, что итог социализма, логический финал, к которому он должен прийти, — это массовое самоубийство. К самоуничтожению стремились типические антисистемы в силу своего негативного восприятия мироздания» [8].

С.В. Булгаков в своем справочнике [9] дает описание многих христианских сект или ересей (богомилы, вальденсы, гуситы и т.п.), которые в логике теории этногенеза оцениваются как антисистемы. В известной книге О. Кошена предлагается определение активного меньшинства, настроенного на разрушение («преобразование») якобы отсталого большинства [10]. Смысловые и содержательные совпадения в выводах у авторов, изучавших разные явления и в различной логике, являются свидетельством основательности высказанных ими соображений.

Общий взгляд на явление антисистемы в общественной жизни предложил П.М. Корявцев [11]. Он согласен с принципиальной позицией Л.Н. Гумилева о том, что движущим мотивом в деятельности антисистемы является ненависть к существу. При этом в Новое время «внешней стороной борьбы антисистем и этносов выступала рознь не религиозная, а социальная. Антисистемы выступали как на стороне защитников старых порядков, так и на стороне революционеров, хотя здесь их выступления имели существенно больший успех с точки зрения деструктивных последствий». В числе «защитников старых порядков» автор называет, например, иезуитов. Уместно вспомнить про печально знаменитый социалистический эксперимент ордена в Парагвае. Важно и то, что революционная стезя обеспечивала более широкие возможности для деструкции. Автор предлагает такой общий вывод: «...всякая революция и даже просто революционная ситуация предоставляет прекрасную питательную среду для возникновения антисистем, ибо в таких условиях даже небольшая и «слабосильная» антисистема способна максимально проявить себя. Потрясение основ дает антисистеме шанс выступить со своей идеологией отказа от традиций, что далеко не всеми участниками революционных событий может быть адекватно воспринято. В этом случае антисистема и ее члены выступают

как ярые поборники революционных преобразований и стремятся добиться реализации целей антисистемы руками тех масс, которые собственно и делают революцию. С другой стороны, при наступлении реакции антисистема может включиться в борьбу против революционеров, под шумок разваливая все, что можно, а может и подрывать усилия контрреволюционеров по восстановлению прежнего порядка в стране». Этнос в этом случае несет наибольшие потери. «Наиболее кровопролитные и беспорядочные революции как правило спровоцированы антисистемами» [11]. Согласно данным определениям, К. Болтон предлагает идти в понимании природы революционности не от доктрины, а от личных качеств людей «левого» типа. Это роднит его соображения с идеей антисистемы, в которой негативное мироощущение первично по отношению к философской или идеологической доктрине, взятой на вооружение. Последние могут легко меняться и трансформироваться, а вектор на разрушение останется неизменным. Напрашивается вывод, что сама природа психопатии и социопатии имеет основание в химерической в этническом отношении среде или в среде антисистем. Проверить это предположение можно только детальными исследованиями на репрезентативном материале.

П.М. Корявцев полагает, что долгое время устойчивость русского социума к проникновению антисистем была связана с преобладанием крестьян в структуре этноса. Массовый рабочий класс, без «традиций цехового ремесленничества и городских коммун», в который превращалось довольно быстро крестьянство, якобы уже не имел подобной устойчивости против негативного мировоззрения [11]. По поводу «отсутствия традиций» легко возразить, но сам факт массового перехода из деревни в город, от аграрного труда к городским профессиям, конечно, сопровождался массовой маргинализацией, тем более в условиях демографического давления и широкого распространения начального образования. Еще С.С. Ольденбург заметил, что к 1914 г. интеллигенция стала уже отворачиваться от революции, а вот полуинтеллигент активно пошел в радикалы [12, с. 122]. Начальное образование хорошо сочеталось с жизненной неопытностью и «брошюрочной» начитанностью, легко усваивались примитивные уравнивательные схемы.

Если средневековые антисистемы существовали как конфессии, то в XX в. они принимали форму партий. По мнению П.М. Корявцева, крупнейшие революционные партии — социал-демократы и социалисты-революционеры — это классические антисистемы. При этом «антисистема социал-демократов была более последовательной в реализации своих жизнеотрицающих принципов, так сказать более антисистемной. У эсеров все-таки наблюдалась некоторая расхлябанность в рядах, излишний гуманизм по отношению к своим идеологическим противникам, что в конце концов и привело эту антисистему к гибели от рук социал-демократов» [11]. В партии большевиков «большинство принципов антисистем было доведено до абсолюта», в том числе и концепция деэтнизации. П.М. Корявцев, рассуждая в логике лидеров антисистемы, указывает, что «только в России с ее малым опытом противодействия антисистемам и сильно пониженной резистентностью после перехода большей части крестьянства в состояние пролетариев возможен успех революции под руко-

водством антисистемы. Кроме того, Россия была на грани вполне нормальной революции и этого момента антисистема упустить никак не могла». Опыт 1905 г. показал, что управлять большими массами удастся только с позиции силы, захватив власть. «Понадобилось существенное понижение общей резистентности российского суперэтноса в ходе мировой войны, чтобы антисистема на фоне разрушения старой государственной машины смогла добиться успеха и заставить на первых порах убеждением, а потом и силой оружия вместо реконструкции прежней суперэтнической системы вести ее полное уничтожение». Однако жизнь брала свое. «Навязав системе свою идеологию, антисистема так и не смогла одержать желанную идеологическую победу, ибо ее философская концепция была сильно деформирована обильно просочившимися в антисистему носителями позитивного мироощущения. Для них были противоестественными идеи антисистемы относительно полного разрушения всей суперэтнической системы, поэтому они постепенно выхолащивали их и этим начали фактически процесс разрушения антисистемы изнутри. В конце 30-х годов антисистема как бы сама себе нанесла сокрушительный удар, после которого она уже не смогла оправиться» [11].

Думается, не случайно у разных авторов возникают сходные парадоксальные размышления. В.Л. Махнач писал о революции «вовремя» — или «не вовремя». В логике этапов жизни этноса он полагал, например, для Франции более естественным и правильным прохождение революции во времена Фронды. Однако революция пришла через сто с лишним лет, когда французский этнос находился в стадии инерции. Потому революционная матрица так и осталась как естественная, магистральная и в самоощущении француза, и в политическом мейнстриме. Изживания революции не произошло. П.М. Корявцев же, как видим, говорит о «нормальной», то есть вызванной социально-политическими проблемами, революции, и революции «во главе» с антисистемной структурой, что как минимум утяжеляет для этноса и социума прохождение революционного цикла. По соображениям В.Л. Махнача, русская революция, проходившая в фазе надлома, не может считаться законченной. Выход из этой фазы оказался долгим и пока не завершился. Данное соображение является нетрадиционным для историографии, но, думаем, заслуживает пристального внимания не только в логике этнической, но и политической истории.

Саратовский философ Н.Г. Козин предложил концепцию превращения России в не-Россию в результате революционного преобразования. Под маркой формационного перехода совершалась попытка цивилизационной замены [13]. Вероятно, политический постмодернизм, игра смыслами и склеивание несоединимого в прежних логиках развития общественной мысли могут быть расценены как черты антисистемности, как покушение на ценностное ядро любого народа и, таким образом, опасное для любой исторической национальной культуры явление. Сегодня такой поведенческий паттерн можно усмотреть в деятельности неоконсерваторов в США с идеями *creative destruction* — «творческого разрушения», хотя сама идея насчитывает около сотни лет и не может считаться изначально деструктивной. Наиболее уязвимым для подобных манипуляций является общество в переходном состоянии от традиционного к современному.

Традиционное общество оказывается под ударом с нескольких сторон — и в форме давления, и в виде соблазна. Это и рационально-бюрократическое реформаторство сверху, и революционный проект (как собственно революционный, подпольный, так и победивший, доктринальный), и национализм. Все эти силы могут комбинироваться, превращаться одна в другую. Согласно гумилевской теории, у русского народа впереди около четырехсот лет инерционной фазы — спокойного развития, «золотой осени». Между тем проблема глубокой дезорганизации, демографической катастрофы («русский (демографический) крест»), то есть ухода русских из истории, стала широко обсуждаемой, на «русский вопрос» в разных ипостасях откликнулись сильные умы — Н.Н. Моисеев, И.Р. Шафаревич, А.И. Солженицын, представители академической науки. Это свидетельствует о неестественности положения русских на современном этапе, о снижении по каким-то причинам жизнестойкости на этническом уровне.

Соответственно, с точки зрения владычества в России антисистемы после 1917 г. революционный процесс шел в направлении не изменения, а уничтожения, чему противилась сама социальная ткань. Интересно, что это чувствовалось многими, в том числе участниками прямого вооруженного сопротивления в 1920-е годы. Так, идеологи и публицисты «Братства Русской Правды» писали на излете нэпа, что «громада народная «тихой сапой» везде, где может, выпирает коммунизм» [14, с. 15]. Соображения о том, что коммунизму в России не дало воплотиться в более абсолютных формах (в духе грустной и точной шутки, что сталинизм — это ленинизм с человеческим лицом) именно «сопротивление материала», непослушность среды, сопротивление на уровне нерелексируемых предпочтений, высказывались неоднократно. В наше время эту идею наиболее ярко и настойчиво выражает А.Б. Горянин [15; 16] неустанно возражая против вопиюще неверных, но привычных и тиражируемых стереотипов о русской неспособности к свободе, созиданию, социальной ответственности. В частности, он следующим образом оценивает противостояние народа коммунистическому проекту: «Подавленное в 1917–22 как классическое вооруженное сопротивление, оно было загнано внутрь, вылилось в формы неосознанного саботажа, превратив все затеи большевистских вождей в пародию и карикатуру на первоначальный замысел... Коммунисты не смогли одолеть «сопротивление материала» ни во времена коллективизации, ни во времена бригад коммунистического труда. Долгое подспудное народное сопротивление противоестественному проекту отразило процесс постепенного тканевого отторжения Россией коммунистического тоталитаризма по причине ее с ним биологической несовместимости» [16, с. 255–256]. В.В. Кожин в свое время дал удачную формулировку особенности России: «...чрезмерная властность ее государства всецело соответствовала «чрезмерной» вольности ее народа...» [17, с. 215]. Вот эта «вольность» и проявлялась в противостоянии доктринальным вмешательствам.

Современные психологи объявляют об «эпидемии перфекционизма» [18]. Люди, прежде всего самые юные, боятся быть «неправильными», желают все

делать наилучшим образом. Этот процесс можно рассматривать в тесной связи с активно продвигаемым «проектным мышлением», которое противопоставляется «шаблонному». Массовая вымученная нестандартность сама превращается в обременительный, — ибо он неестественен! — стандарт. Психологи, в том числе детские, давно уже бьют тревогу, говоря о росте неврозов, страхов, проблем с коммуникацией [19]. Думается, что корень этих бед — именно в проектном характере, идеократичности современных подходов к образованию, воспитанию, управлению собой и другими. В этом ряду стоят и попытки «проектирования» прошлого, выстраивания желаемой исторической картины под текущий государственный заказ. Школьный учебник истории как инструмент такого проектирования уже не раз вызывал представительные научные обсуждения на постсоветском пространстве [20].

Предложенные соображения способны скорректировать традиционные представления о роли и векторах социальной активности во время революции. Проблематика саморегулируемых процессов, начиная от демографического уровня и заканчивая политическим, оказывается напрямую связана с самочувствием и выживанием народа как этноса и народа как нации в мире. Укорененность, привычность институтов самоуправления, естественных и эффективных хозяйственных практик, кооперирования, соседской и семейной взаимопомощи, наличие действенных механизмов социализации, небюрократизированной живой церковной жизни — таков круг своего рода социальных гарантий против доктринальных патологий в развитии страны. Способности социума воспринимать импульсы извне и при этом субъектно вести себя на политическом поле — это есть проявления жизнестойкости в масштабах всего народа в диапазоне от этнического выживания до оформления политической нации.

Можно предложить следующее соображение: жизнестойкость традиционного социума, в самом широком смысле слова, подвергается угрозе со стороны обособленных групп социалистической направленности с активным присутствием иноэтничных элементов и патологических типов («патократия», по К. Болтону). Соответственно, в основе защитных механизмов, которые данный социум способен выработать, в том числе в режиме противостояния революции, находится самоорганизация в разных горизонтах — хозяйственном, социальной поддержки и солидарности, военно-политическом. Самоорганизация всегда в большей или меньшей степени привязана к этническим константам, историческому опыту, составу и способам рекрутирования элит. Если мы сейчас говорим о русской власти [21; 22] русской системе [23], русской модели управления [24], то, надо полагать, можно говорить и о специфике русских каналов самоорганизации, выживания и восстановления, русского протестного поведения, в частности. Если принять как гипотезу тезис В.А. Махнача о неоконченности революционного процесса в России, то как раз низовые, саморегулируемые процессы оказываются остро интересны для понимания природы политических и иных процессов в России на протяжении всего XX столетия.

Библиографический список

1. Болтон К. Левые психопаты. От якобинцев до движения «Оккупей» / сокр. пер. с англ. (Bolton K. The psychotic left: from Jacobin France to the Occupy movement. L., 2013). М., 2017.
2. Воробьевский Ю. Бедлам. (Безумие: пред Богом и перед людьми). М., 2012.
3. Лосев А.Ф. Жизненный и творческий путь Платона // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1 / Философское наследие. Т. 112. М., 1990.
4. Острецов В.М. Массонство, культура и русская история (историко-критические очерки). 2-е изд., испр. М., 1998.
5. Мацкевич Ю. Если бы я был ханом // От Вилии до Изара: статьи и очерки (1945–1985). Л., 1992.
6. Ульянов Н. Патриотизм требует рассуждения // Новый журнал. 1956. № 47.
7. Бицилли П.М. Проблема русско-украинских отношений в свете истории. Прага, 1930.
8. Махнач В.Л. Россия в XX столетии. URL: <https://makhnach.livejournal.com/41879.html>
9. Булгаков С.В. Справочник по ересям, сектам и расколам. М., 1994.
10. Кошен О. Малый народ и революция / пер. с франц. О. Тимошенко; предисл. И.Р. Шафаревича. М., 2004.
11. Корявцев П.М. Философия антисистем. Опыт приложения теории этногенеза. СПб., 1994.
12. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. М., 1992 (репринт). Т. 2.
13. Козин Н.Г. Постигание России: опыт историософского анализа. М., 2002.
14. Русская Правда. 1928. Июль – август.
15. Горянин А.Б. Мифы о России и дух нации. М., 2001.
16. Горянин А.Б. Традиции свободы и собственности в России. От древности до наших дней. М., 2007.
17. Кожин В.В. О грядущем пути России // Москва. 2002. № 1.
18. Smith M.M., Sherry S.B., Vidovic V., Saklofske D.H., Stoeber J., Benoit A. Perfectionism and the Five-Factor Model of Personality: A Meta-Analytic Review // Personality and Social Psychology Review. 2019. 6.01.
19. URL: <http://medvedeva-shishova.ru/>
20. Школьный учебник истории и государственная политика / В.Э. Багдасарян [и др.] / под общ. ред. В.И. Якунина. М., 2009.
21. Макаренко В.П. Русская власть (теоретико-социологические проблемы). М., 1998.
22. Макаренко В.П. Русская власть и бюрократическое государство. Ч. 1. Ростов н/Д, 2013.
23. Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. «Русская Система» как попытка понимания русской истории // Полис. 2001. № 4. С. 37–48.
24. Прохоров А. Русская модель управления. 2-е изд., испр. М., 2013.